

УРОКИ КРАСНОГО ОКТЯБРЯ

Игорь
ФРОЯНОВ

Игорь Фроянов

Уроки Красного Октября

«Алисторус»

2007

УДК 323
ББК 63.3(2)

Фроянов И. Я.

Уроки Красного Октября / И. Я. Фроянов — «Алисторус», 2007

«Капитализм не входит органически в плоть и кровь, в быт, привычки и психологию нашего общества. Однажды он уже втравил Россию в братоубийственную гражданскую войну и, как подтверждает многолетний опыт, не приживется на российской почве. Свидетельством тому и те три революции, которые произошли в стране с минимальным временным интервалом: с октября 1905 по октябрь 1917 года. Эти революции показали, что основная часть российского общества была решительно недовольна «недоделанным» российским капитализмом, бурно развившимся в стране после крестьянской реформы 1861 года, посягнувшим на соборные, общинно-коллективистские и духовно-нравственные устои народной жизни. Его-то и не принял весь народ, а не только мятувшаяся, радикально настроенная интеллигенция, как пытаются доказывать сегодня ангажированные идеологи режима». Г. А. Зюганов. Эти слова находят убедительное подтверждение в книге знаменитого историка И. Я. Фроянова, которую мы представляем ныне вниманию читателя.

УДК 323
ББК 63.3(2)

© Фроянов И. Я., 2007
© Алисторус, 2007

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Игорь Фроянов

Уроки Красного Октября

© Фроянов И. Я., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

* * *

Светлой памяти владыки Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского посвящается

*Большое видится на расстоянии.
С. Есенин*

«Судьбы народа сокрыты в его истории. И мы, смущенные, мы малодушные и маловерные, мы должны научиться читать и понимать молчаливые глаголы нашего прошлого...» – говорил русский мыслитель Иван Ильин¹. К сожалению, не всегда это удается. И не потому, что человеческий разум здесь бессилён, а потому, что существуют некоторые особенности познания истории, обусловленные самой историей, которые серьёзно ограничивают в тот или иной исторический момент наши возможности «читать и понимать» прошедшее. Нередко бывает так, что явления и события прошлого открывают свой подлинный исторический смысл не по горячим следам, а лишь по истечении длительного времени. Однако и это не все. Порою смысл свершений истории остается в значительной мере нераскрытым и неразгаданным, пока в жизни страны и ее народа не произойдет нечто такое, что позволит глубже и всестороннее понять этот смысл. Великая Октябрьская революция служит тому весьма удачным примером.

Восьмидесятилетие Великого Октября – время достаточное, чтобы уразуметь его роль и значение в русской истории. Но степень познания Октября была бы иной, не случись в России то, свидетелями чего мы ныне являемся. Гибель КПСС, ликвидация Советов, передел государственной собственности, расчленение исторической России, геноцид русского народа и курс на капитализацию бросают яркий луч на Октябрь 17-го года, высвечивая то, что ранее оставалось в тени.

С временной высоты и на фоне радикальных перемен в России последних лет события далекого 1917 года выступают во всей своей сложности и противоречивости. Им нельзя дать, как это было недавно в советской исторической науке, однозначную, сугубо положительную оценку. Они несут на себе печать созидания и разрушения, национальной славы и позора. Их социальное одушевление соседствует с нравственным одичанием. В этих событиях также четко просматривается игра закулисных мировых сил, смертельно враждебных России, русскому народу, преданному православной вере. По словам И. А. Ильина, у нашего народа есть «давние религиозные недруги, не находящие себе покоя от того, что русский народ упорствует в своей «схизме», или «ереси», не приемлет «истины» и «покорности» и не поддается церковному поглощению. А так как крестовые походы против него невозможны и на костер его не поведешь, то остается одно: повергнуть его в глубочайшую смуту, разложение и бедствия, которые и будут для него или «спасительным чистилищем», или же «железной метлой», выметающей Православие в мусорную яму истории»². Весьма актуальной является мысль И. А. Ильина о том, что у России есть и такие враги, «которые не успокоятся до тех пор,

---

¹ Ильин И. А. Собр. соч. М., 1996. Т.6, кн. II. С. 25.

² Ильин И. А. О грядущей России. М., 1993. С. 169.

пока им не удастся овладеть русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли, чтобы привить ему под видом «терпимости» – безбожие, под видом «республики» – покорность закулисным мановениям и под видом «федерации» – национальное обезличение. Это зложелатели – закулисные, идущие «тихой сапой»...»³.

Однако было бы сверхпримитивизмом ставить революционные события 1917 г. в зависимость исключительно от происков мировой закулисы или от действий кучки революционеров, возглавляемых В. И. Лениным, как это зачастую изображают сегодня⁴. И внешние силы, и партия большевиков лишь умело воспользовались объективно сложившейся в стране реальной ситуацией, имеющей глубокие исторические корни. Закулиса и Ленин только подтолкнули сползающую медленно в пропасть старую Россию.

Н. А. Бердяев, определяя истоки и смысл русского коммунизма, а следовательно и Октябрьской революции, обращается к XVII в., когда в России совершился церковный раскол. «В XVII веке, – пишет он, – произошло одно из самых важных событий русской истории – религиозный раскол старообрядчества»⁵. С тех пор русское общество находилось в состоянии раскола, который «делается характерным для русской жизни явлением». Раскольничьей была также революционная интеллигенция XIX века, без которой невозможно понять ни истоки русского коммунизма, ни характер русской революции⁶.

Столь далекий ретроспективный взгляд может показаться искусственным. Но это не так. Революционные смуты начала XX века побудили современников искать «самые отдаленные корни событий, приведших к гибели России»⁷. Отсюда был сделан верный вывод: «Связь с прошлым бесконечно глубже, чем она мнится...»

И все же нельзя полностью согласиться с Н. А. Бердяевым. Ведь подавляющая масса трудового людства не ушла в старообрядчество, она осталась в лоне официальной церкви, что не позволяет рассматривать раскол как «одно из самых важных событий русской истории», положивших начало движению русских к Октябрю 17-го года. Вместе с тем надо признать, что то был первый по своим крупным масштабам социально-психологический раскол российского общества, наложивший зримый отпечаток на следующую историю русского народа.

Возникновение процессов общественной жизни, которые привели к революционным потрясениям в России начала XX века, надо относить к эпохе реформ Петра I. Заслуживает пристального внимания наблюдение Я. А. Гордина, согласно которому «нижняя граница нашей мегаэпохи» лежит «во временах Петра I»⁸. Затрагивая некоторые негативные особенности массового сознания в России недавней и нынешней, автор находит их корни «в петровском перевороте, когда была создана структура, исключая гражданский мир, опирающаяся только на силу, структура по своей психологической сути дисгармоничная»⁹.

³ Там же.

⁴ Одним из типичных примеров последнего может служить И. Бунич, по которому в октябре 1917 г. произошло следующее: «Воспользовавшись демократическим хаосом после свержения монархии, власть в стране захватила международная террористическая организация... Такого в истории человечества еще не было. И то, что это удалось, явилось для мира полной неожиданностью, не меньшей, впрочем, чем и для самих его участников – кучки разноплеменных авантюристов, собравшихся вокруг своего полубезумного лидера» (Бунич И. Золото партии. Историческая хроника СПб., 1992. С. 5–6). В этих откровенно злопахотельских пассажах проглядывает физиономия идеолога современной российской «демократии», с усердием отрешивающегося от своих предшественников и создающего иллюзию полного несходства октябрьских событий с днем нынешним. Прав Ю. И. Семенов, утверждающий, что наша «демократическая» печать «демонстрирует гармоническую смесь самой наглой лжи, удивительного невежества и невероятной глупости» (Семенов Ю. И. Россия: что с ней было, что с ней происходит и что ее ожидает в будущем, М., 1995. С. 30).

⁵ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 10.

⁶ Там же. С. 11, 17.

⁷ Федотов Г. П. Собр. соч. В 12 т. М., 1996. Т. 1, С. 110.

⁸ Гордин Я. Без ненависти и презрения// Смена, 1990. 29 ноября. Интересные соображения о единстве истории см. также: Гордин Я. Меж рабством и свободой. Л., 1994. С. 9–24; 291–376.

⁹ Там же.

Главное, однако, состоит в том, что именно в петровское время обозначилась пропасть между дворянским сословием и трудовой массой населения, прежде всего крестьянством. Поляризация интересов помещиков и крестьян – основная ось, вокруг которой на протяжении двух веков вращались противоречия российской действительности, разрешившиеся в конечном счете крушением царской России. Даже в момент ее падения крестьянский вопрос имел первостепенное значение, а участие крестьян в революционных событиях во многом предопределило их исход. И после Октябрьской революции с точки зрения «социальных целей» крестьянство, по признанию В. И. Ленина, – «самое главное»¹⁰. Можно согласиться с политологом О. Ариным, полагающим, что «Октябрьская революция была совершена рабочими и солдатами, в последнем случае – фактически крестьянами. Крестьяне и защитили ее в годы Гражданской войны. По форме это была пролетарская революция, а по сути – крестьянская»¹¹. Так завершилась драматическая история социальной несправедливости по отношению к русскому крестьянству, у истоков которой стоит Петр I. Вот почему он является государственным деятелем, вложившим свою лепту в историческую подготовку большевистской революции.

Петр, конечно, строил не на пустом месте. Жизнь нуждалась в переменах. Предпосылки реформ сложились уже в XVII веке¹². Но, по справедливому мнению И. Л. Солоневича, Петр «превратил реформу в революцию, а преобразование – в ломку»¹³. Поэтому время его правления «является крутым и беспримерным в своей резкости переходом в русской истории... Он определил собою конец Московской Руси, то есть целого исторического периода, со всем тем хорошим и плохим, что в ней было, и начал собою европейский, петербургский или имперский период, кончившийся Октябрьской революцией»¹⁴. И. Л. Солоневич связывает реформы Петра с русской историей XX века, говоря о том, что его преобразования мы «расхлебываем до сих пор – третьим Интернационалом, террором и голодом, законными наследниками деяний великого Петра»¹⁵.

Быть может, это сильно сказано. Но революционный стиль петровских нововведений, охватывавших все основные сферы жизни страны¹⁶, не подлежит отрицанию. Не случайно, личность Петра ассоциировалась с революционными деятелями отечественной и зарубежной истории. А. С. Пушкин, тонко чувствовавший русскую историю, сравнивал Петра I с Робеспьером, называя его «воплощенной революцией»¹⁷. Н. А. Бердяев допускал сравнение «между Петром и Лениным, между петровским переворотом и большевистским»¹⁸. Он видел различие между «петровским переворотом и большевистским» в том, что «большевистская революция путем страшных насилий освободила народные силы, призвала их к исторической активности, в этом ее значение. Переворот же Петра, усилив русское государство, толкнул Россию

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.45. С. 285.

¹¹ Арин О. Письмо из Ванкувера//Советская Россия. 1997 8 июля.

¹² Не следует, однако, преувеличивать значение этих предпосылок в деятельности Петра. Они лишь обращали внимание реформатора на ту или иную проблему общественной жизни. Во всем остальном он был самобытен. Следует прислушаться к словам А. В. Карташева, который писал: «Сколь ни стирали наши крупные историки (Соловьев, Ключевский, Платонов, Милюков) мифологический налет на эпохе Петра Великого путем углубленного прояснения непрерывности исторического процесса, в котором нет перерывов и сказочных скачков, но после всей их критической чистки еще бесспорнее установилась обоснованность проведенной нашими предками разделительной черты в русской истории общей, а в данном случае и церковной: до Петра и после Петра» (Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т.2. С. 311).

¹³ Солоневич И. Народная монархия. М., 1991. С. 466.

¹⁴ Там же. С. 423.

¹⁵ Там же. С. 473.

¹⁶ В России ни до Петра, ни после него ни один государственный деятель не проводил реформ, которые охватили бы все сферы жизни общества и государства: экономику и социальный строй, культуру и военное дело, быт и дипломатию», – писал Н. И. Павленко, один из самых крупных знатоков эпохи Петра I (Павленко Н. И. 1) В защиту Петра Великого// Политическое образование. 1989, № 15. С. 95; 2) Петр Великий. М., 1994).

¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Л., 1978. Т.8. С. 104.

¹⁸ Бердяев Н. А. Истоки... С. 12.

на путь западного и мирового просвещения, усилил раскол между народом и верхним культурным и правящим слоем»¹⁹. К подобным сравнениям склонялись также западные писатели и мыслители. Так, Б. Рассел видел в большевиках «наследников Петра Великого»²⁰, а в их деятельности – «возрождение методов» российского императора²¹. Немецкий писатель Э. Людвиг, беседуя с И. В. Сталиным, уподоблял Ленина Петру Первому²².

Такого рода сопоставления проводят и новейшие историки. Например, Я. А. Гордин, касаясь религиозной политики петровского и советского периодов, пишет: «В русской истории у Петра-богоборца есть только один аналог – Ленин»²³. Е. В. Анисимов также находит немало схожего в петровской и советской эпохах²⁴. Он полагает, что «Петровская эпоха дала сильный толчок для размежевания русского общества на его интеллектуальную часть и народ. Дворянство стало воспитываться в другом культурном коде. И если в XVII веке плясуны и скоморохи пели в боярском тереме и на крестьянском дворе, то начиная с XVIII века народ и дворянство стали говорить на разных языках»²⁵. Большевизм Петра I нашел отражение даже в поэзии:

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опричь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле...

М. Волошин

Всеми этими аналогиями не следует пренебрегать, зачисляя их в разряд экстравагантностей, не имеющих исторического обоснования²⁶. Петра I и Ленина, эпоху петровских преобразований и эпоху большевизма, сближают радикализм и тотальное насилие, правда, с той лишь разницей, что в первом случае – по наитию, а во втором – по научной теории. Оглядываясь на произошедшие перемены в России, Петр риторически вопрошал: «И не все ли неволею сделано?» Работа Преобразователя с подданными, как с невольниками, сродни знаменитой большевистской формуле: «Загоним человечество железной рукой в счастье».

Безудержное насилие порождало полное пренебрежение к отдельной личности, в случае с Петром – ради «доброго порядку», а в случае с Лениным – для победы пролетарской мировой революции и установления коммунистического «царства свободы». Есть еще одно пересечение, о котором здесь следует сказать. Это – вождизм. «Отец Отечества» – царь Петр живо напоминает «Отца народов» – некоронованного царя Иосифа Сталина. При этом существо вопроса не исчерпывается чисто внешним сходством. На наш взгляд, Петровская эпоха находится в причинно-следственной связи с эпохой революционных разломов в России начала XX века. Именно с Петра начинается активное отчуждение русских крестьян от свободы и соб-

¹⁹ Там же. С. 12–13. – На наш взгляд, следует говорить о том, что Петр не усилил, а положил начало расколу между народом и господствующим дворянским сословием.

²⁰ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 62.

²¹ Там же. С. 97.

²² Сталин И. В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. М., 1938. С. 4.

²³ Гордин Я. А. Меж рабством и свободой. С. 15.

²⁴ См. беседу с Е. В. Анисимовым в газете «Смена» (1990, 24 июня); см. также: Анисимов Е. В. Имперское сознание в России и его рецидивы при сталинизме// Страницы истории. Л., 1990.

²⁵ Смена. 1990. Воскресенье 24 июня.

²⁶ Ср.: Мавродин В. В. Петр Первый. Л., 1948. С. 402.

ственности, разрешившееся в конечном счете крушением старой России. В этой связи обращают на себя внимание два петровских преобразования: слияние поместий с вотчинами и так называемая отмена холопства.

Указ Петра о единонаследии, обнародованный 23 марта 1714 г., внес существенные перемены в служилое землевладение²⁷. Этот указ устранял различие между вотчиной и поместьем, жалую в собственность поместные дачи. Поместья, как и вотчины, оказались в полном наследственном владении дворян. Очень скоро дворяне, удовлетвовавшись, как тогда говорили, «изящнейшим благодеянием» Петра (превращением поместий в наследственную собственность), добились отмены других положений указа, не выгодных дворянству²⁸. То была коренная ломка вековых отношений государства с помещиками в пользу последних, наносившая огромный вред общественному интересу.

Ликвидация различий между вотчиной и поместьем не могла не влиять на положение крестьян, усиливая над ними власть помещиков. Важным шагом на этом пути была податная реформа, слившая помещичьих крестьян с холопами, или рабами.

В ходе податной реформы деловые и дворовые люди, или холопы, были включены в подушный оклад, что означало «юридическую ликвидацию существовавшего на протяжении нескольких столетий института холопства»²⁹. Так холопов уравнивали с помещичьими крестьянами. Оставалось только «необязательное для владельца хозяйственное различие между ними как крепостными дворовыми и крепостными хлебопашцами»³⁰.

Некоторые историки объясняют слияние холопов и крепостных крестьян изменениями фактического положения холопов в плане «окрестьянивания»³¹. Такая тенденция, по-видимому, была, но нельзя придавать ей большого значения³². Сам факт уравнивания холопов с крепостными крестьянами свидетельствует о переменах в жизни последних в сторону «охолопления». Но каковы бы ни были реальные процессы, надо признать, что русские крестьяне обязаны Петру I резким (до холопства) понижением своего социального статуса. Петр первым из русских государей сделал столь решительный шаг, уравнив холопов и владельческих крестьян перед лицом государства и смешав их в единую «подлую» массу. Естественно, что этот прием усвоили также помещики, приноровив его к своим отношениям с холопами и крестьянами. Они, перенося господские понятия о рабах на крестьян, воспринимали последних как холопов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Известно, например, как с ликвидацией холопства барщинные работы, отправляемые ранее холопами, перекладывались на крестьян. Норма барщинных отработок «приближалась к предельной физической возможности эксплуатации человека»³³. Крестьян дарили, обменивали, продавали, подобно скоту. В послепетровское время крепостничество превратилось в настоящее рабство. Ясно, что при таких условиях народ и власть разошлись и чем дальше, тем больше удалялись друг от друга. Углублялось недоверие народных масс к правящему слою и государству. Этому способствовало и то обстоятельство, что русская церковь утратила свое бывшее значение связующего звена между властью и подданными.

Система взаимоотношений властей церковной и гражданской на Руси издревле строилась на основе *двуединой симфонии*, взятой из Византии вместе с христианством³⁴. Симфония вла-

²⁷ Ключевский В. О. Соч. В 9 т. М., 1989. Т. IV. С. 81.

²⁸ Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986. С. 164.

²⁹ Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982. С. 145.

³⁰ Ключевский В. О. Соч. М., 1990. Т. VIII. С. 269.

³¹ Анисимов Е. В. Податная реформа... С. 146–148.

³² Там же. С. 148.

³³ Анисимов Евг. Время Петровских реформ. Л., 1989. С. 323–324.

³⁴ Карташев А. В. Церковь. История. Россия. Статьи и выступления М., 1996. С. 139.

стей составляет «основополагающую идею православной государственности, утверждающую понимание власти духовной и светской как самостоятельных религиозных служений, церковных послушаний, призванных взаимными гармоничными усилиями управить «народ Божий» во благонравии и покое, необходимых для спасения души»³⁵. Петр I расстроил эту *симфонию*, проведя церковную реформу по протестантскому образцу³⁶. Как отметил митрополит Иоанн, это нарушение взаимного сочетания властей «легло в основание последовавшей драмы (а в перспективе более длительной – привело к ужасам советского богоборчества после Октябрьской революции)»³⁷.

Отмена патриаршества и учреждение наряду с другими коллегиями коллегии духовной, названной Синодом, означала превращение церкви в государственный институт и, следовательно, разрыв с предшествующей церковной историей и заветами православной старины. Петр I относился к церкви как «к подручному рычагу государственной политики»³⁸. И это, конечно, отторгало церковь от народа. К тому же, по верному разумению В. С. Соловьева, «церковь, лишенная вполне самостоятельного представительства, не может иметь настоящего влияния ни на правительство, ни на общество. И вот мы видим (сказано в 1884 г. – И. Ф.), что, несмотря на благочестие русского народа, несмотря на преданность православию наших государей, несмотря на многие прекрасные качества нашего духовенства, церковь у нас лишена подобающего ей значения и не руководит жизнью России. Наш народ ставит выше всего правду Божию, он теократичен в глубине души своей, но он лишен первого реального условия для осуществления теократии благодаря коренным недостаткам нашего церковного строя»³⁹. Эти «коренные недостатки», происхождение которых связано с церковной реформой Петра, сыграли роковую роль в истории России начала XX века, сделав церковь не способной быть истинной водителем общества.

Итогом народной оценки правления Петра I служат легенды, изображающие Преобразователя царем-самозванцем или царем-антихристом. Одна из них, о Петре-самозванце, возникла среди тяглых людей, а другая, о Петре-антихристе, в церковном обществе, хотя провести здесь разграничения весьма трудно⁴⁰. Ясно только то что эта оценка отрицательная. Оно и понятно, ибо, как говорил В. О. Ключевский, «во все продолжение преобразовательной работы Петра народ оставался в тягостном недоумении, не мог уяснить себе хорошенько, что такое делается на Руси и куда направляется эта деятельность: ни происхождение, ни цели реформы не были ему достаточно понятны. Реформа с самого начала вызвала глухое противодействие в народной массе тем, что была обращена к народу только двумя самыми тяжелыми своими сторонами: 1) она довела принудительный труд народа на государство до крайней степени напряжения и 2) представлялась народу непонятной ломкой вековых обычаев, старинного уклада русской жизни, освященных временем народных привычек и верований. Этими сторонами реформа и возбудила к себе несочувственное и подозрительное отношение народной массы»⁴¹. Впрочем, обязанность дворян нести государеву службу все же сохраняла некую видимость социальной справедливости, являясь как бы свидетельством разверстки государственного тягла между основными социальными категориями российского общества. Однако

³⁵ Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладоский. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 218.

³⁶ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т.2. С. 323–330; Бердяев Н. А. Истоки... С. 12; Булгаков С. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991. С. 334.

³⁷ Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладоский. Самодержавие духа... С. 218.

³⁸ Поспеловский Дм. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. С. 129.

³⁹ Соловьев В. С. Еврейство и христианский вопрос// Русская идея и евреи. Роковой спор. Христианство. Антисемитизм. Национализм. М., 1994. С. 50–51.

⁴⁰ Ключевский В. О. Соч. Т. IV. С. 211.

⁴¹ Там же. С. 207.

и тут (прежде всего в сфере военной) по мере создания регулярной армии с ее рекрутчиной главное бремя тяжести ратной службы легло на народные плечи.

В послепетровское время, на протяжении 30 лет (1730–1760 гг.), дворяне получили многочисленные выгоды и преимущества, еще более отдалившие их от народной массы, а именно: «1) укрепление недвижимых имуществ на вотчинном праве со свободным ими распоряжением, 2) сословную монополию крепостного права, 3) расширение судебно-полицейской власти помещика над крепостными до тягчайших уголовных наказаний, 4) право безземельной продажи крепостных, не исключая крестьян, 5) упрощенный порядок сыска беглых, 6) дешевый государственный кредит под залог недвижимых имуществ»⁴².

Бесстыдным апогеем сословно-корпоративного эгоизма дворян XVIII века стал манифест от 18 февраля 1762 г. о вольности дворянства, предоставивший «всему российскому благородному дворянству вольности и свободы». Указ освобождал дворян от обязательной службы. С грустной иронией В. О. Ключевский говорил: «По требованию исторической логики или общественной справедливости на другой день, 19 февраля, должна была последовать отмена крепостного права: она и последовала на другой день, только спустя 99 лет. Такой законодательной аномалией завершился юридически несообразный процесс в государственном положении дворянства: по мере облегчения служебных обязанностей сословия расширялись его владельческие права, на этих обязанностях основанные»⁴³. С отменой обязательной службы дворянства крепостная неволя «утратила свое политическое оправдание, стала следствием, лишившимся своей причины, фактом, отработанным историей»⁴⁴. Получив права, дворяне избыли общественные обязанности. В этой связи В. О. Ключевский остроумно заметил: «Права без обязанностей – юридическая нелепость, как следствие без причины – нелепость логическая; сословие с одними правами без обязанностей – политическая невозможность, а невозможность существовать не может»⁴⁵. Увы, «невозможное стало возможным»: порядок «отработанных историей» дворянских прав и привилегий сохранялся долгие годы.

На одностороннее, исторически несообразное предоставление вольности дворянству русские крестьяне ответили активным участием в пугачевском восстании 1773–1775 гг., которое по праву можно считать крестьянской войной. Каковы были социальные помыслы и чаяния крестьянской массы? Особенно яркое отражение они нашли в манифесте Е. Пугачева от 18 июля 1774 г. По выражению известного русского историка В. И. Семевского, то была «жалованная грамота всему крестьянскому миру», или «хартия, на основании которой предстояло создать новое, мужицкое царство»⁴⁶. Пугачев призывал «всех, находившихся ранее в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне», а затем жаловал «древним крестом и молитвой, головами и бородами, вольностью и свободой и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку и освобождаем всех прежде чинимых от злодеев дворян и градских мздоимцев-судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощений». Крестьяне, следовательно, стремились к освобождению от крепостной неволи, хотели получить все земли и угодья, освободиться от всех повинностей и податей, устроить общинное самоуправление на казачий лад⁴⁷.

⁴² Там же. С. 299.

⁴³ Там же. С. 300.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Ключевский В. О. Собр. соч. М., 1990. Т. IX. С. 65.

⁴⁶ Семевский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1903. Т. I. С. 330.

⁴⁷ Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России XVII – XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 261; см. также: Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева/Отв. ред. В. В. Мавродин. Л., 1966. С. 437; Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII – XVIII вв. М., 1976. С. 212.

Но этому не суждено было осуществиться. Крепостничество гнуло русских крестьян по-прежнему. Общественный вред крепостного права был очевиден для многих людей различных социальных положений: от революционера А. Н. Радищева до императора Николая I. Но своекорыстная воля дворян шла вразрез с национальными интересами России. И только в 1861 г. правительство отменило крепостную зависимость. Это было сделано в силу неблагоприятных для дворян обстоятельств, прежде всего под давлением недовольства крестьян. «Лучше освободить крестьян сверху, чем ждать, когда они освободятся снизу», – благоразумно замечал Александр II. На каких условиях произошло освобождение? На условиях, не выгодных крестьянству.

Так называемая Великая реформа 19 февраля 1861 г. ободрала крестьян. Осуществлявшаяся посредством насилия, она привела к сокращению количества земли находившейся в руках крестьян. Надельная земля сократилась на 20 % по сравнению с тем, чем располагали ранее русские земледельцы. Стало быть, крестьян потеряли пятую часть земли, бывшую прежде в их хозяйственном обороте. Вследствие роста сельского населения, произошедшего в послереформенный период, земельная теснота еще более увеличилась. «Если в 1860 г. численность сельского населения в 50 губерниях Европейской России равнялась 50,3 млн человек, то к 1900 г. она достигла 86,1 млн. Соответственно изменилась I средняя величина душевого надела: с 4,8 дес. в 1860 г. до 2,6 дес. в 1900 г.»⁴⁸. В этих условиях сохранение привилегированного помещичьего землевладения могло породить лишь одно: лютую ненависть крестьянской массы к дворянству.

Реформа стала разорительной для крестьянства. Резко возросли профессиональное нищенство и бродяжничество, питавшиеся в значительной мере за счет бывших дворовых людей, лишенных права получить земельный надел.

Крестьяне хотя и наделялись землей, но вынуждены были выкупать ее в рассрочку. По сути то было завуалированное освобождение крестьян без земли, поскольку выкупные платежи есть не что иное, как покупка земли⁴⁹. Неудивительно, что русское крестьянство встретило реформу с явным неодобрением. Известны многочисленные случаи, когда крестьяне отказывались подписывать уставные грамоты, переводившие их на новое положение.

По наблюдениям исследователей, «все пореформенное время распадается на два периода: первый, когда крестьяне стремились обеспечить себе лучшие условия хозяйствования в момент осуществления реформ, и второй, когда ведущим мотивом общественного сознания крестьян становится борьба за землю, а крестьянское движение приобретает четко выраженную аграрную окраску. Первый вал крестьянского возмущения был вызван объявлением «воли», а второй введением уставных грамот»⁵⁰.

Ярким выразителем настроений русских крестьян конца XIX века был Тимофей Михайлович Бондарев, крепостной, отданный в солдаты за какую-то провинность, а потом по приговору военного суда отправленный на поселение в Сибирь. Здесь он крестьянствовал, обучал грамоте деревенских детей. Бондарев написал книгу «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца». В этой книге он размышлял о «бедных хлебопашцах», у которых «без вся-

⁴⁸ Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг. М., 1992. С. 48; см. также: Тюкавкин В. Г., Шагин Э. М. Крестьянство России в период трех революций. М. 1987. С. 29–31.

⁴⁹ Большой государственный ум, чем реформаторы, «освобождавшие» русских крестьян в 1861 г., показал Е. Пугачев, который намеревался у дворян деревни «отнять, а определить им хотя большое жалованье»; «у бояр села и деревни отберу и буду жаловать их деньгами» (Смирнов И. И. и др. Крестьянские войны... С. 259, 260). Проблема в том, откуда взять деньги. Крестьяне видели их источник. Идеолог русского крестьянства крестьянин Тимофей Бондарев писал в конце XIX века: «Если уж вам, правителям, помещиков жалко более, нежели самих себя, то вы сделали бы так: подати и другие налоги на людей (крестьян. – И. Ф.) удесятерили, а землю от них (помещиков. – И. Ф.) отобрали...» (Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М... 1988. С. 42).

⁵⁰ Кабытов П. С. и др. Русское крестьянство... С. 24.

ких на то прав нагло отняли... землю да помещикам да миллионерам продали»⁵¹. Бондарев оценивал сложившееся положение как несправедливое и предлагал отобрать землю у помещиков.

Русское крестьянство вступало в XX век, накопив, по выражению В. И. Ленина, «горы злобы и ненависти»⁵². Сколь долго надо было испытывать терпение народа, доверчивого и жертвенного, простодушного и покорного, чтобы вызвать в нем такую ненависть⁵³.

Мощные и почти повсеместные выступления крестьян в период революции 1905–1907 гг. объясняются их крайним недовольством и гневом. Можно утверждать, что русское крестьянство было главной движущей силой Первой революции в России. Крестьяне, а отнюдь не рабочие представляли наибольшую опасность для тогдашнего строя⁵⁴. Не случайно, С. Ю. Витте в одно из своих выступлений (конец сентября 1905 г.) говорил: «Студенческие сходки и рабочие стачки ничтожны сравнительно с надвигающеюся на нас крестьянской пугачевщиной»⁵⁵. В докладе государю от 10 января 1906 г. Витте высказал убеждение, что «революционное движение, кроме аграрного, резко проявляться не будет... Что же касается аграрных беспорядков, то дело с ними обстоит совершенно иначе. Аграрные беспорядки не только не кончены, но едва ли не следует признавать их лишь вступившими в первый период. Можно ожидать весной нового года более сильного их проявления, если не удастся предупредить сего соответственными мерами»⁵⁶. Показательны в этой связи и слова П. А. Столыпина из его речи перед Государственным советом в 1910 г.: «Смута политическая, революционная агитация, приподнятые нашими неудачами, начала пускать корни в народе, питаясь смутною гораздо более серьезною, смутною социальною, развившейся в нашем крестьянстве»⁵⁷.

Итак, есть достаточные основания для утверждения о том, что Первая русская революция была по сути крестьянской революцией.

В свое время и большевики и меньшевики охарактеризовали ее как буржуазную, или буржуазно-демократическую революцию, расходясь лишь в определении ее руководящей силы и, следовательно, в тактических вопросах. Вот как определил характер революции 1905–1907 гг. В. И. Ленин: «Одна из главных отличительных черт нашей революции состоит в том, что это была *крестьянская* буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии. В особенности крестьянство не сознавало этой последней задачи, не сознавало ее отличия от более близких и непосредственных задач борьбы. И это была крестьянская буржуазная революция, ибо объективные условия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке старого средневекового землевладения, о «расчистке земли» для капитализма, объективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы»⁵⁸.

⁵¹ Там же. С. 42.

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.20. С. 20.

⁵³ Некоторые исследователи связывают эти душевные качества русских крестьян с низким уровнем грамотности, окостенелостью жизненного уклада, слабым проникновением в крестьянскую среду политических знаний (Кабытов и др. Русское крестьянство... С. 57). Мы предпочитаем говорить об особенностях русского национального характера, воспитанного веками и устойчивого перед воздействием грамотности, политических знаний и жизненных новшеств.

⁵⁴ Если учесть, что среди рабочих было немало недавних крестьян, то данное положение становится еще более обоснованным.

⁵⁵ Дневник А. А. Половцова//Красный архив. 1923. Т.4. С. 70.

⁵⁶ Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. М., 1973. С. 53.

⁵⁷ Петр Аркадьевич Столыпин. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете 1906–1911, «Нам нужна великая Россия...». М., 1991. С. 246.

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.20. С. 20.

В Кратком курсе истории ВКП(б) революция 1905–1907 гг. также рассматривается как буржуазно-демократическая⁵⁹.

Отсюда понятно, почему советские историки придерживались именно такого взгляда на Первую русскую революцию. Лишь в последнее время высказываются сомнения относительно его справедливости. Эти сомнения выносятся даже на страницы учебных пособий. Так, Л. И. Семенникова пишет: «В советской исторической литературе было принято характеризовать революцию 1905–1907 гг. по задачам и движущим силам как буржуазно-демократическую по аналогии с революциями XVII – XIX вв. в Западной Европе. Однако это не так. Революцию 1905–1907 гг. в России нельзя рассматривать через призму только классовых интересов. Она касалась глобальных для страны проблем. Развернувшаяся революция была первой из тех, которые представляли собой попытку снизу разрешить накопившиеся противоречия и решить проблему выбора цивилизационного пути развития. В этот период основная масса населения стояла вне политики и боролась за улучшение положения в рамках своего уклада. Рабочие требовали восьмичасового рабочего дня, повышения зарплаты, разрешения профсоюзов, введения демократии. Крестьяне боролись за охрану почвенного уклада и улучшение своего положения – отмену частной собственности на землю, ликвидацию помещичьего землевладения, предоставление права крестьянам самим устанавливать порядок владения землей»⁶⁰. Сомнения Л. И. Семенниковой относительно буржуазно-демократического содержания Первой русской революции справедливы. Но ее попытка оспорить классовый подход в оценке революционных действий крестьян и рабочих, сосредоточить обсуждение вопроса на «проблеме выбора цивилизационного пути развития» нам кажется несостоятельной.

Начало XX века – время сильнейшего обострения и столкновения классовых противоречий в России. Каждый из существовавших в стране классов действовал исходя прежде всего из своих классовых интересов. Вот почему и революцию 1905–1907 гг. необходимо рассматривать в первую очередь с точки зрения этих интересов. Рассуждения же о «проблеме выбора цивилизационного пути развития» отражают современное состояние отечественной исторической науки, занятой освоением цивилизационного метода познания истории взамен марксистской теории исторического процесса.

При изучении событий 1905–1907 гг. следует, по-видимому, применять два подхода: 1) марксистский и 2) цивилизационный как в определенной мере взаимодополняющие и взаимообогащающие друг друга. Классовая дифференциация российского общества, его антагонистическая природа, классовые интересы и борьба этих интересов не могут быть правильно поняты вне расистского учения о классах. Вместе с тем мы не поймем по-настоящему чаяния и надежды, цели и задачи русских крестьян в революции 1905–1907 гг., если не войдем в их ментальную область, т. е. если не используем познавательные возможности теории цивилизаций.

Спору нет, в Первой русской революции крестьяне выступали за «разрушение помещичьего землевладения, а не за свержение господства буржуазии», если, конечно, исключить из состава последней кулака. Но русские крестьяне в своей массе никогда не добивались установления буржуазной собственности на землю, предполагающей ее продажу и концентрацию земельных богатств в руках буржуа. Приведем типичное на сей счет заявление, принадлежащее самим крестьянам. Самарские крестьяне, жители села Владимирского Самарского уезда Самарской губернии, в своем приговоре (июнь 1906 г.) писали: «Нам кажется, что нужно изменить земельный порядок теперь же и так, чтобы земля была доступна всем, кто желает работать сам, и совсем бы была отобрана от того, кто наймом обрабатывает или же сдает землю в аренду.

⁵⁹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1952. С. 52–91.

⁶⁰ Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994. С. 293–294.

Земля – дар божий, а не создание рук человеческих, и потому она вся должна принадлежать всему народу и не. составлять собственности небольшого числа лиц»⁶¹

---

⁶¹ Революция 1905–1907 гг. в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1955. С. 339.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.